

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

**Ежегодные научные чтения
Калмыцкого научного центра
Российской академии наук – VI
(г. Элиста, 22-23.12.2016)**

Элиста, 2017

УДК 94+81+31
ББК 63.3(2Рос=Калм)+81.2(2Рос=Калм)+60.5
Е 35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Редколлегия:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, канд. фил. наук *В. В. Куканова*,
д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*

Составитель:
канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*

Е 35 **Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра РАН – VI**
[электронное издание] / ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, Е. Н. Бадмаева;
сост. Е. В. Бембеев. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – 160 с.

В настоящем издании представлены тезисы докладов и сообщения, которые прозвучали на ежегодной научной сессии Калмыцкого научного центра Российской академии наук по итогам научно-исследовательской работы в 2016 г.

ISBN 978-5-906881-16-8
(e-pub)

© ФГБУН «Калмыцкий
научный центр РАН», 2017
© Коллектив авторов, 2017

- Максимов К. Н.* Развитие советской национальной государственности: (На материалах Калм. АССР). / К. Н. Максимов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 192 с.
- Наберухин А. И.* Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Очиров У. Б.* К вопросу об истории создания прокуратуры Калмыкии в 1922 г // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 29–34.
- Очиров У. Б.* Калмыцкая милиция в 1918–1925 гг.: краткий обзор историографии // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН - V Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук. 2015. С. 38–40.
- Очиров У. Б.* Особенности борьбы с «политическим бандитизмом» в калмыкии в период гражданской войны (1917–1920 гг.). // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 51–55.
- Сартикова Е. В.* История создания и деятельности профсоюза работников земли и леса (Рабземлес) (на материале Калмыкии, 1920–1928 гг.) // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – V. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 42–45.
- Сартикова Е. В.* Становление и развитие профсоюза работников просвещения в Калмыкии: 1921–1928 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 1. С. 23–26.
- Сартикова Е. В.* Становление профсоюзов Калмыкии (1917–1928 гг.). // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели Мат-лы междунар. симпозиума, посвящ. 20-летию КБНЦ РАН. Научн. сб. Нальчик, 2013. С. 57–61.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ

*Э. П. Бакаева*¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии КалмИЦ РАН

Анализ символики традиционного костюма актуален в свете изучения художественной традиции, определения ее этнической специфики, современных тенденций в сфере возрождения компонентов материальной

культуры (отражающих процессы конструирования этнической идентичности), а также в связи с необходимостью сохранения этнических традиций в многообразии форм культуры народов России. Исследование архаических компонентов культуры ойратов и калмыков может способствовать решению сложных вопросов сложения западномонгольских этносов, а также, возможно, влияний, которые испытала монгольская культура в целом. Практическая значимость исследования состоит в возможном применении его результатов при осуществлении политики в сфере возрождения национальной культуры.

В рамках работы над темой «Семантика традиционного костюма ойратов и калмыков» в 2016 г. исследовались следующие основные вопросы: 1) традиционный или инновационный характер отдельных видов одежды ойратов и калмыков — лавшиг (монг., ойр. *лавшиг*; калм. *лавшиг*), бешмет (калм. *бишмүд*, *бушмүд*); 2) ритуальный характер традиционного женского костюма и его проявление в обрядности калмыков; 3) символика цвета и отдельных элементов костюма ойратов Монголии; 4) вопросы классификации орнамента ойратов и калмыков, гендерной соотнесенности орнамента типа *зег*.

В результате проведенной работы проанализированы основные вопросы, связанные с выявлением традиционных видов одежды, имевших в культуре ойратских народов ритуальный характер, привлечены дополнительные материалы для решения вопроса о заимствованном или автохтонном характере двух типов народного костюма калмыков, освещена цветовая символика одежды ойратов, а также вопросы классификации орнамента ойратов и калмыков, гендерной соотнесенности орнамента кружкового типа *зег* и его семантики.

1. Традиционный или инновационный характер отдельных видов одежды ойратов и калмыков (*лавшиг*, *бушмүд*).

Согласно данным научной литературы и полевых материалов, одежда распашного характера типа лавшиг являлась характерной для калмыков и западномонгольских народов [Амгалан 2008; Аюуш 2012; Эрдниев 1970; и др.]. Сохранение в лексике языка ойратов Монголии термина лавшиг наряду с общераспространенным термином дэли (монг. *дэли*) свидетельствует о его традиционном характере. Вместе с тем имеется мнение, что сам термин был заимствован из тибетского языка, следовательно, он мог быть включен в лексикон ойратских народов уже после принятия монгольскими народами буддизма (XVII в.), а распашная одежда этого типа — быть заимствованной из культуры других народов. Тем не менее, термин лавшиг в ой-

ратском и монгольском языках имеет два основных значения: 1) церемониальная одежда, распашной халат без пояса и без воротника [БАМРС 2001, т. 2: 297]; 2) традиционная народная одежда типа *тэрлэг* [Аюуш 2012: 70].

Внешний вид лавшиг в культуре ойратов и калмыков имеет отличия. Имеются также различия в описании лавшиг как церемониальной одежды без воротника и повседневной одежды распашного типа у ойратов. Анализ показал, что, несмотря на возможное заимствованное происхождение термина, обозначающего «церемониальный» распашной носимый без пояса халат, его происхождение связано с архаическим типом ойратской одежды. Лавшиг являлся одеянием пожилых людей, буддийских священнослужителей, распашная одежда подобного типа сохраняется и поныне в ритуальной сфере калмыков (халаты так называемых *сэжүстэ*). Термин *лавшиг* зафиксирован в калмыцком народном героическом эпосе [Джангар 1990: 13, 107], что может быть обусловлено его полистадиальным характером. Однако об архаичности данного типа одежды свидетельствует специфическая калмыцкая иконография божества Белый старец (монг. *Цагаан өвгөн*, калм. *Цаһан авһ, Цаһан аав*). Привлеченные к исследованию материалы свидетельствуют о традиционности распашного типа одежды без пояса, с широким подолом, в культуре монгольских, прежде всего ойратских, народов, в том числе калмыков. Такая широкая в подоле одежда, по мнению ученых, была характерна для народов, занимавшихся скотоводством, и была наиболее приспособлена к верховой езде на лошади. Одежда этого типа бытовала у ряда сибирских народов, в том числе у западных бурят, и относилась к южносибирскому типу костюма.

Второй тип одежды, который отдельные исследователи считают заимствованным из культуры соседних с калмыками северокавказских народов — бешмет (калм. *бүшмүд, бишмүд*). В историографии имеется мнение о заимствованном характере как самого бешмета, так и термина, обозначающего этот вид одежды. Однако этот термин зафиксирован и в культуре хобуксарских торгутов [Амгалан 2008] — потомков калмыков, мигрировавших в пределы Джунгарии в 1771 г., которые в 40-х гг. XX в. переселились из Китая на территорию Монголии. Сравнение кроя *бишмүд* хобуксарских торгутов и *бишмүд/бүшмүд* калмыков-мужчин позволяет выявить общие черты, характерные для вариантов южносибирского типа одежды. Мнение о заимствованном характере одежды типа бешмет у калмыков основано на том, что от него отличается традиционная мужская одежда ойратских народов, имеющая некоторое сходство с монгольской. Проведенное исследование позволяет считать это мнение необоснованным, и значимым для этого

вывода фактом явилось обнаружение в буддийском храме Дэчинравжаалин в г. Улангом (Убсунурский аймак Монголии) предмета одежды, который имеет типологическое сходство с калмыцким бешметом.

2. Ритуальный характер традиционного женского костюма и его проявление в обрядности

Сакральность женского костюма, зафиксированного у ряда тюрко-монгольских народов, подтверждается традициями использования этого костюма в прошлом в обрядности жизненного цикла (свадебный, погребальный ритуалы), его семантика связана также с древнейшими верованиями. Одежда замужней женщины маркирует новый статус женщины-матери, «отвечающей» прежде всего за воспроизводство рода. В этом смысле знаковыми являются обряды, функции которых заключаются в сакральном обеспечении возрождения и расплода. В сохранившемся до наших дней проанализированном древнем обряде калмыков зафиксирована архаическая символика обеспечения перерождения: действия женщины семантически «оживляют» жертвенное животное и одновременно «осуществляют связь» между миром животных и миром людей. Семантика этих действий в ритуале выражается через «отождествление» руки женщины и передней конечности животного, что находит отражение в символике края рукава женского национального платья *тэрлэг*. Материалы обрядовой культуры калмыков, в отдельных ритуалах которой женщина-хозяйка дома семантически маркирует копытное животное, представляют дополнительный аргумент в пользу зооморфной символики женского костюма, имевшего распространение у ряда тюрко-монгольских народов, в том числе ойратов Монголии и КНР и калмыков России.

3. Цветовая символика костюма ойратов Монголии

Для монгольской средневековой историографии характерно устойчивое понятие «пять цветных народов», которое обозначало разные народы в соответствии с цветовой символикой: синие монголы, белые корейцы, черные тибетцы, желтые туркестанцы, красные китайцы. Среди разнообразных мнений о происхождении указанного понятия — мнение Н. Л. Жуковской [2002: 198], которая предположила связь указанной пентады с цветом национальной одежды. В этой связи значимым является изучение цветовой символики и приоритетов в выборе цвета традиционного женского костюма в культуре ойратских народов. Анализ показал, что в культуре ойратов зафиксированы определенные взаимосвязи между народностями и предпочтительным цветом одежды. При этом некоторые информанты-ойраты сообщали, что на ойратский костюм влияние оказало пребывание в составе

Цинской империи: в тот период разные ойратские народы были обязаны носить одежду одного типа, но разных цветов.

В традиционном женском костюме ойратские народы использовали разные цвета, и, несмотря на сведения, в которых сообщается о применении тканей разных цветов представителями одного этноса, в целом прослеживаются характерные этнические приоритеты в выборе цвета, который имел особую символику. Последнее зафиксировано в легендах, которые бытуют и поныне в культуре ойратов и включают обоснование специфики этнических приоритетов в цветовой гамме народного костюма.

Черный цвет в культуре одежды ойратов связывается с маньчжурским периодом. Об этом свидетельствуют легенды, записанные у ойратов Монголии. Так, безрукавку *цэгдэг*, цвет которой обычно соответствовал цвету платья *тэрлэг*, мингаты и олеты в цинский период стали изготавливать из тканей черного цвета, что стало связываться со скорбью, трауром. В легендах появление традиции шитья *цэгдэг* черного цвета связывается с указанием Амурсаны либо со скорбью об олетах Галдан Бошогту-хана, который возглавлял борьбу с завоевателями [Бакаева 2016в]. Вместе с тем подобное восприятие черного цвета не являлось характерным для архаической символики, зафиксированной в культуре одежды калмыков и ойратов. Об этом свидетельствует церемониальный характер *бэрз* черного цвета в женском костюме хобуксарских торгутов, парадный характер национальных войлочных сапог *тооку* черного цвета (при белом цвете повседневных) [Бакаева 2015], а также упоминание в эпических песнях распашной одежды богатырей черного цвета [Джангар 1990: 13, 107, и др.].

В процессе исследования также выявлен следующий этнический маркер одежды ойратов: при общем сходстве (с небольшими отличиями) мужского костюма разных ойратских народностей яркими внешними отличительными элементами явились наличие или отсутствие обшлагов на рукавах, а также оформление разреза по бокам определенного типа декором из ткани черного цвета, который является и особой характеристикой в мужской одежде ойратов [Бакаева 2016в].

4. Вопросы классификации орнамента ойратов и калмыков, гендерной соотнесенности орнамента типа *зег* и его семантики.

В культуре ойратов и калмыков орнамент отражает сложные процессы этнической истории и включает элементы саяно-алтайского, южно-сибирского, а также восточноазиатского типов орнамента [Иванов 1961; Батырева 2006; 2010; Ковалев 1970; Калмыцкий орнамент 2010; Васькин 2010]; прослеживается влияние монгольской и тибетской культуры, ее сим-

волики, связанной с буддийской религией. Вопросы классификации орнамента не разрешены, в историографии нет единого мнения в вопросе основных понятий и терминологии. В отдельных публикациях понятие *зег* рассматривается как орнамент в целом, тогда как, по мнению ряда этнографов, *зег* — один из типов орнамента и особая техника его исполнения. Недостаточная изученность калмыцкого (и древнеойратского, так как в поздний период западные монголы переняли восточноазиатский тип декора) орнамента обусловила в наши дни появление нарушений правил использования орнамента в женской и мужской одежде, что является свидетельством неясности его символики. Вместе с тем традиционной культуре присущи особые правила использования орнамента, имеющего у разных ойратских народов специфику [Бакаева 2016г], а символика орнамента солярного типа имеет особое значение. Орнамент «зег» использовался калмыками на отдельных бытовых предметах, при декорировании некоторых головных уборов, а также в женском костюме. Мужской костюм обычно не декорировали орнаментом этого типа, и нарушения этого правила, встречающиеся в современных сценических и праздничных костюмах, свидетельствуют о забвении его символики [Бакаева 2016а]. Анализ особенностей расположения каймы и позументов на женских платьях ойраток и калмычек в XX в. позволил сделать вывод о том, что они являются условной заменой орнамента, который в праздничной (и ритуальной) одежде калмыков представлял в его полной форме.

Литература

Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: Монсудар хэвлэлийн газар, 2008. 212 х.

Аюуш Ц. Дөрвөөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 27–106.

Бакаева Э. П. К вопросу о семантике орнамента «зег» в традиционном костюме калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2016а. № 2. С. 10–23.

Бакаева Э. П. К вопросу о цветовой символике костюма ойратов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016б. № 4. С.

Бакаева Э. П. К сравнительно-сопоставительному изучению традиционной культуры ойратов и калмыков: о происхождении и бытовании войлочных сапог типа «тооку» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. №2. С. 91–97.

Бакаева Э. П. О символике воротника в традиционной одежде ойратских народов // Монголоведение. Вып.9. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016в.

Бакаева Э.П. Об орнаменте ойратских народов // Полевые исследования. Вып. III. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016г.

Батырева С. Г. Калмыцкий орнамент // Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Издат. дом «Герел», 2010. С. 11–22.

[БАМРС] Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 томах / ред. Лувсандэндэв А., Пюрбеев Г. Ц., Цэдэндамба Ц. М.: Наука, 2001. Т.1. А–Г. 520 с. Т.2. Д–О. 536 с.

Васькин Г. С. Виды калмыцкого орнамента и их описание // Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Издат. дом «Герел», 2010. С. 33–176.

Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калм. и рус. яз. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 475 с.

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 248 с.

Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Издат. дом «Герел», 2010. 216 с.: ил.

Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: Джангар, 2006. 160 с.

Ковалев И. Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 146 с.: илл.

Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 369–435.

Эрдниева У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

БУДДИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ КалмНЦ РАН В ПРИЗМЕ ТРАДИЦИИ

*С. Г. Батырева*¹

¹доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии КалмНЦ РАН

Изобразительное искусство буддизма как часть культурного наследия Калмыкии представлено в постоянной экспозиции Музея им. Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН. Собранный в процессе комплектования